

ДЕЗ ТРОЦКИИ

Л. Троцкий

Лев Давидович Троцкий

Перманентная революция

*<http://magister.msk.ru/library/trotsky>
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177717*

Л. Троцкий. Перманентная революция:

Аннотация

Настоящая книжка посвящена вопросу, тесно связанному с историей трех русских революций, но не только с нею. Этот вопрос за последние годы играл огромную роль во внутренней борьбе коммунистической партии Советского Союза, был затем перенесен на Коммунистический Интернационал, сыграл решающую роль в развитии китайской революции и определил целый ряд первостепенной важности решений по вопросам, связанным с революционной борьбой стран Востока. Дело идет о так называемой теории «перманентной революции», которая по учению эпигонов ленинизма (Зиновьева, Сталина, Бухарина и др.) составляет первородный грех «троцкизма».

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Лев Троцкий.

Перманентная революция

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книжка посвящена вопросу, тесно связанному с историей трех русских революций, но не только с нею. Этот вопрос за последние годы играл огромную роль во внутренней борьбе коммунистической партии Советского Союза, был затем перенесен на Коммунистический Интернационал, сыграл решающую роль в развитии китайской революции и определил целый ряд первостепенной важности решений по вопросам, связанным с революционной борьбой стран Востока. Дело идет о так называемой теории «перманентной революции», которая по учению эпигонов ленинизма (Зиновьева, Сталина, Бухарина и др.) составляет перво-родный грех «троцкизма».

Вопрос о перманентной революции был, после большого перерыва, и на первый взгляд, совершенно неожиданно поднят в 1924 году. Политических оснований для этого не было: дело шло о давно отошедших в прошлое разногласиях. Но психологические основания были большие. Открывшая против меня борьбу группа так называемых «старых большевиков» противопоставляла мне прежде всего это свое зва-

ние. Но большим затруднением на ее пути был 1917 год. Как ни важна была предшествующая история идейной борьбы и подготовки, однако, не только в отношении партии в целом, но и в отношении отдельных лиц, вся предшествующая подготовка нашла свою высшую и безапелляционную проверку в октябрьском перевороте. Ни один из эпигонов этой проверки не выдержал. Все они, без исключения, в момент февральской революции 1917 г. заняли вульгарную позицию демократической левой. Ни один из них не выдвинул лозунга борьбы пролетариата за власть. Все они считали курс на социалистическую революцию абсурдом или, еще хуже, «троцкизмом». В таком духе они вели партию до приезда Ленина из-за границы и до появления его знаменитых тезисов 4-го апреля. После этого Каменев, уже в прямой борьбе с Лениным, пытается открыто сформировать демократическое крыло в большевизме. Позже к нему присоединяется приехавший с Лениным Зиновьев. Сталин, жестоко скомпрометированный своей социал-патриотической позицией, отходит к сторонке. Он дает партии забыть о своих жалких статьях и речах в решающие недели марта и постепенно передвигается на точку зрения Ленина. Отсюда сам собою возникал вопрос: что же каждому из этих руководящих «старых большевиков» дал ленинизм, если ни один из них не оказался способен самостоятельно применить теоретический и практический опыт партии в наиболее важный и ответственный исторический момент? Надо было во что бы то ни ста-

ло отвести этот вопрос, подменив его другим. С этой целью решено было в центр обстрела поставить теорию перманентной революции. Мои оппоненты, разумеется, не предвидели, что, создавая искусственную ось борьбы, они незаметно для себя сами будут поворачиваться вокруг этой оси, создавая для себя, методом от обратного, новое мировоззрение. В основных своих чертах теория перманентной революции была сформулирована мною еще до решающих событий 1905 года. Россия шла навстречу буржуазной революции. Никто в рядах тогдашней русской социал-демократии (мы все тогда назывались социал-демократами) не сомневался в том, что мы идем навстречу именно буржуазной революции, т. е. такой, которая порождается противоречием между развитием производительных сил капиталистического общества и пережившими себя крепостнически-средневековыми сословными и государственными отношениями. Марксистскому разъяснению буржуазного характера предстоящей революции мне пришлось в те времена посвятить не мало речей и статей, в борьбе с народниками и анархистами.

Но буржуазный характер революции не предreshал вопроса о том, какие классы и в каких взаимоотношениях будут осуществлять задачи демократического переворота. Между тем с этого пункта только и начинались основные стратегические проблемы.

Плеханов, Аксельрод, Засулич, Мартов и за ними все русские меньшевики исходили из того, что руководящая

роль в буржуазной революции может принадлежать лишь либеральной буржуазии, как естественному претенденту на власть. По этой схеме партии пролетариата выпадала роль левого фланга демократического фронта: социал-демократия должна была поддерживать либеральную буржуазию против реакции и в то же время защищать против либеральной буржуазии интересы пролетариата. Другими словами, меньшевикам было свойственно понимание буржуазной революции преимущественно, как либерально-конституционной реформы.

Совсем по иному ставил вопрос Ленин. Освобождение производительных сил буржуазного общества из оков крепостничества означало для него прежде всего радикальное разрешение аграрного вопроса, в смысле полной ликвидации класса помещиков и революционной перетасовки земельной собственности. С этим было неразрывно связано уничтожение монархии. Аграрная проблема, захватывающая жизненные интересы подавляющего большинства населения и составляющая в то же время основу проблемы капиталистического рынка, была поставлена Лениным с подлинно-революционной смелостью. Так как либеральная буржуазия, враждебно противостоящая рабочим, связана с крупной земельной собственностью многочисленными узами, то подлинное демократическое раскрепощение крестьянства может быть осуществлено только путем революционной кооперации рабочих и крестьян. Их совместное восстание против

старого общества должно было, по Ленину, привести, в случае победы, к установлению «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства».

Эту последнюю формулу сейчас повторяют в Коминтерне как некий над-исторический догмат, без попытки анализа живого исторического опыта последней четверти века, как если бы мы вовсе не были свидетелями и участниками революции 1905 года, февральской революции 1917 года и, наконец, октябрьского переворота. Между тем такого рода исторический анализ тем более необходим, что режима «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» никогда в истории не было. В 1905 году у Ленина дело шло о стратегической гипотезе, которая еще подлежала проверке со стороны действительного хода классовой борьбы. Формула демократической диктатуры пролетариата и крестьянства имела в значительной мере преднамеренно-алгебраический характер. Ленин не предрешил заранее вопроса о том, каковы будут политические соотношения обоих участников предполагаемой демократической диктатуры, т. е. пролетариата и крестьянства. Он не исключал возможности того, что крестьянство будет представлено в революции самостоятельной партией, притом, самостоятельной на два фронта: т. е. не только по отношению к буржуазии, но и по отношению к пролетариату, и в то же время способной совершить демократическую революцию в борьбе с либеральной буржуазией и в союзе с партией пролетариата. Ленин допускал да-

же, как мы увидим ниже, что в правительстве демократической диктатуры революционная крестьянская партия будет составлять большинство.

В вопросе о решающем значении аграрного переворота для судьбы нашей буржуазной революции я был, по крайней мере, начиная с осени 1902 года, т. е. с момента моего первого побега за границу, учеником Ленина. Что аграрная, а следовательно и общедемократическая революция, может быть совершена только в борьбе против либеральной буржуазии объединенными силами рабочих и крестьян, это для меня, вопреки нелепым рассказам последних годов, стояло вне сомнения. Но я выступал против формулы «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», видя ее недостаток в том, что она оставляла открытым вопрос, какому же классу будет принадлежать действительная диктатура. Я доказывал, что крестьянство, несмотря на свой колоссальный социальный и революционный вес, не способно ни создать действительно-самостоятельную партию, ни, тем более, сосредоточить в руках такой партии революционную власть. Как в старых революциях, начиная с немецкой реформации XVI-го века и даже ранее, крестьянство, во время своих восстаний, поддерживало одну из фракций городской буржуазии, и нередко обеспечивало ее победу, так в нашей запоздалой буржуазной революции крестьянство, при наивысшем размахе своей борьбы, сможет оказать аналогичную поддержку пролетариату и помочь ему прийти к власти. На-

ша буржуазная революция, заключал я, лишь в том случае сможет радикально разрешить свои задачи, если пролетариат, при поддержке многомиллионного крестьянства, сможет сосредоточить в своих руках революционную диктатуру.

Каково будет социальное содержание этой диктатуры? Первым делом она должна будет довести до конца аграрный переворот и демократическую перестройку государства. Другими словами, диктатура пролетариата станет орудием разрешения задач исторически запоздалой буржуазной революции. Но на этом дело не сможет остановиться. Придя к власти, пролетариат вынужден будет производить все более глубокие вторжения в отношения частной собственности вообще, т. е. переходить на путь социалистических мероприятий.

– Но неужели же вы считаете, – возражали мне десятки раз Сталины, Рыковы и все прочие Молотовы 1905-1917 г.г., – что Россия созрела для социалистической революции? На это я неизменно отвечал: нет, этого я не считаю. Но мировое хозяйство в целом, и прежде всего европейское, вполне созрело для социалистической революции. Приведет ли диктатура пролетариата в России к социализму или нет – каким темпом и через какие этапы, – это зависит от дальнейшей судьбы европейского и мирового капитализма.

Таковы основные черты теории перманентной революции, как она сложилась уже в первые месяцы 1905 г. После того успели совершиться три революции. Русский пролетариат

поднялся к власти на могучей волне крестьянского восстания. Диктатура пролетариата стала в России фактом прежде, чем в какой-либо из несравненно более развитых стран мира. В 1924 году, т. е. через семь лет после того, как исторический прогноз теории перманентной революции подтвердился с совершенно исключительным могуществом, эпигоны открыли против этой теории бешеную атаку, выдергивая отдельные фразы и полемические реплики из моих старых работ, основательно мною самим к этому времени позабытых.

Тут уместно напомнить, что первая русская революция разразилась через полвека с лишним после полосы буржуазных революций в Европе, и через 35 лет после эпизодического восстания Парижской Коммуны. Европа успела отвыкнуть от революций. Россия вообще их не знала. Все проблемы революции ставились заново. Не трудно понять, как много неизвестных и гадательных величин заключала для нас тогда будущая революция. Формулы всех группировок были своего рода рабочими гипотезами. Нужна полная неспособность к историческому прогнозу и полное непонимание его методов, чтобы теперь, задним числом, рассматривать анализы и оценки 1905 г., как если бы они были написаны вчера. Я часто говорил себе и друзьям: не сомневаюсь, что в моих прогнозах 1905 г. были большие пробелы, которые не трудно вскрыть теперь задним числом. Но разве мои критики видели лучше и дальше? Не перечитывая долго своих старых

работ, я заранее готов был считать пробелы их гораздо более значительными и важными, чем они были на деле. В этом я убедился в 1928 г., во время своей ссылки в Алма-Ата, когда вынужденный политический досуг дал мне возможность перечитать с карандашом в руках свои старые работы по вопросу о перманентной революции. Я надеюсь, что из дальнейшего и читатель в этом убедится полностью.

В рамках этого введения необходимо, однако, дать по возможности точную характеристику составных элементов теории перманентной революции и главных возражений против нее. Спор настолько расширился и углубился, что стал охватывать в сущности все важнейшие вопросы мирового революционного движения.

Перманентная революция, в том смысле, какое Маркс дал этому понятию, значит революция, не мирящаяся ни с одной из форм классового господства, не останавливающаяся на демократическом этапе, переходящая к социалистическим мероприятиям и к войне против внешней реакции, революция, каждый последующий этап которой заложен в предыдущем, и которая может закончиться лишь с полной ликвидацией классового общества.

В интересах рассеяния того хаоса, который создан вокруг теории перманентной революции, представляется необходимым расчленить три ряда идей, которые сочетаются в этой теории.

Во-первых, она охватывает проблему перехода от демо-

кратической революции к социалистической. Таково в сущности историческое происхождение теории.

Понятие перманентной революции было выдвинуто великими коммунистами середины XIX века, Марксом и его единомышленниками, в противовес демократической идеологии, которая, как известно, претендует на то, что с установлением «разумного», или демократического государства, все вопросы могут быть разрешаемы мирным, реформистским или эволюционным путем. Буржуазную революцию 48-го года Маркс рассматривал лишь, как непосредственное вступление к пролетарской революции. Маркс «ошибся». Но ошибка его имела фактический, а не методологический характер. Революция 1848 года не перешла в социалистическую революцию. Но именно поэтому она и не закончилась демократией. Что касается германской революции 1918 года, то это вовсе не демократическое завершение буржуазной революции: это обезглавленная социал-демократией пролетарская революция; вернее сказать, это буржуазная контрреволюция, вынужденная, после победы над пролетариатом, сохранить лже-демократические формы.

Вульгарный «марксизм» выработал схему исторического развития, согласно которой каждое буржуазное общество раньше или позже обеспечивает себе демократический режим, после чего пролетариат, в обстановке демократии, постепенно организуется и воспитывается для социализма. Самый переход к социализму мыслился при этом не одинаково:

открытые реформисты представляли его себе в виде реформистского заполнения демократии социалистическим содержанием (Жорес). Формальные революционеры признавали неизбежность революционного насилия при переходе к социализму (Гэд). Но и те и другие рассматривали демократию и социализм по отношению ко всем вообще народам и странам, как два, не только совершенно раздельных, но и далеко друг от друга отстоящих этапа в развитии общества. Такое представление было господствующим и у русских марксистов, которые в период 1905 года принадлежали в общем к левому крылу Второго Интернационала. Плеханов, блестящий родоначальник русского марксизма, считал идею диктатуры пролетариата в современной нам России бредовой. На той же точке зрения стояли не только меньшевики, но и подавляющее большинство руководящих большевиков, в частности все без исключения нынешние руководители партии, которые были в свое время решительными революционными демократами, но для которых проблемы социалистической революции, не только в 1905 году, но еще и накануне 1917 года, были смутной музыкой отдаленного будущего.

Этим идеям и настроениям теория перманентной революции, возрожденная в 1905 году, объявляла войну. Она показывала, как демократические задачи отсталых буржуазных наций непосредственно ведут в нашу эпоху к диктатуре пролетариата, а диктатура пролетариата ставит в порядок дня социалистические задачи. В этом состояла центральная идея

теории. Если традиционное мнение гласило, что путь к диктатуре пролетариата лежит через долгий период демократии, то теория перманентной революции устанавливала, что для отставших стран путь к демократии идет через диктатуру пролетариата. Этим самым демократия становится не самодовлеющим режимом на десятки лет, а лишь непосредственным вступлением к социалистической революции. Они связываются друг с другом непрерывной связью. Между демократическим переворотом и социалистическим переустройством общества устанавливается таким образом перманентность революционного развития.

Второй аспект «перманентной» теории характеризует уже социалистическую революцию, как таковую. В течение неопределенно долгого времени и в постоянной внутренней борьбе перестраиваются все социальные отношения. Общество непрерывно линяет. Один этап преобразования непосредственно вытекает из другого. Процесс этот сохраняет по необходимости политический характер, т. е. разворачивается через столкновения разных групп перестраивающегося общества. Взрывы гражданской войны и внешних войн чередуются с периодами «мирных» реформ. Революции хозяйства, техники, знания, семьи, быта, нравов, разворачиваются в сложном взаимодействии друг с другом, не давая обществу достигнуть равновесия. В этом перманентный характер социалистической революции, как таковой.

Международный характер социалистической революции,

составляющий третий аспект теории перманентной революции, вытекает из нынешнего состояния экономики и социальной структуры человечества. Интернационализм не есть отвлеченный принцип, но лишь теоретическое и политическое отражение мирового характера хозяйства, мирового развития производительных сил и мирового размаха классовой борьбы. Социалистическая революция начинается на национальной почве. Но она не может на ней закончиться. Сохранение пролетарской революции в национальных рамках может быть лишь временным режимом, хотя бы и длительным, как показывает опыт Советского Союза. Однако, при изолированной пролетарской диктатуре противоречия, внешние и внутренние, растут неизбежно вместе с успехами. Оставаясь и далее изолированным, пролетарское государство в конце концов должно было бы пасть жертвой этих противоречий. Выход для него только в победе пролетариата передовых стран. С этой точки зрения национальная революция не является самодовлеющим целым: она лишь звено интернациональной цепи. Международная революция представляет собою перманентный процесс, несмотря на временные снижения и отливы.

Борьба эпигонов направлена, хоть и не с одинаковой отчетливостью, против всех трех аспектов теории перманентной революции. Иначе и быть не может, так как дело идет о трех нерасторжимо-связанных частях целого. Эпигоны механически отделяют демократическую диктатуру от соци-

алистической. Они отделяют национальную социалистическую революцию от международной. Завоевание власти в национальных рамках является для них по сути дела не начальным, а заключительным актом революции: дальше открывается период реформ, приводящих к национальному социалистическому обществу.

В 1905 г. они не допускали и мысли о возможности завоевания пролетариатом власти в России раньше, чем в Западной Европе. В 1917 году они проповедовали самодовлеющую демократическую революцию в России и отвергали диктатуру пролетариата. В 1925-27 г. г. они держали курс на национальную революцию в Китае под руководством национальной буржуазии. После того они выдвинули для Китая лозунг демократической диктатуры рабочих и крестьян, противопоставляя его лозунгу диктатуры пролетариата. Они провозгласили возможность построения в Советском Союзе изолированного и самодовлеющего социалистического общества. Международная революция из необходимого условия победы стала для них лишь благоприятствующим обстоятельством. К этому глубокому разрыву с марксизмом, эпигоны пришли в процессе перманентной борьбы с теорией перманентной революции.

Борьба, начавшаяся с искусственного оживления исторических воспоминаний и с фальсификации отдаленного прошлого, привела к полной перестройке миросозерцания правящего слоя революции. Мы уже не раз разъясняли, что эта

переоценка ценностей производилась под влиянием социальных потребностей советской бюрократии, которая становилась все более консервативной, стремилась к национальному порядку, и требовала, чтобы уже совершенная революция, обеспечившая за бюрократией привилегированные позиции, была признана достаточной для мирного построения социализма. Возвращаться к этой теме мы здесь не будем. Отметим лишь, что бюрократия глубочайшим образом сознает связь своих материальных и идейных позиций с теорией национального социализма. Это ярче всего выражается именно сейчас, несмотря на то, или благодаря тому, что сталинский аппарат, под натиском противоречий, которых он не предвидел, изо всех сил забирает влево и наносит довольно суровые удары своим вчерашним правым вдохновителям. Вражда бюрократов к марксистской оппозиции, у которой она наспех заимствовала ее лозунги и аргументы, несколько, как известно, не ослабевает. От оппозиционеров, возбуждающих вопрос об обратном приеме в партию для поддержания курса на индустриализацию и проч., требуют прежде всего осуждения теории перманентной революции, и, хотя бы косвенного, признания теории социализма в отдельной стране. Этим сталинская бюрократия обнаруживает чисто тактический характер левого поворота при сохранении национал-реформистских стратегических основ. Незачем пояснять значение этого: в политике, как и в военном деле, тактика в последнем счете подчинена стратегии.

Вопрос давно вышел из специальной сферы борьбы против «троцкизма». Постепенно расширяясь, он охватил ныне буквально все проблемы революционного мирозерцания. Перманентная революция или социализм в отдельной стране – эта альтернатива одинаково охватывает внутренние проблемы Советского Союза, перспективы революций на Востоке и, наконец, судьбу всего Коммунистического Интернационала.

Настоящая брошюра не рассматривает вопрос со всех этих сторон: нет надобности повторять то, что уже сказано в других работах. В «Критике программы Коминтерна» я пытался теоретически вскрыть экономическую и политическую несостоятельность национал-социализма. Теоретики Коминтерна набрали по этому поводу воды в рот. Это, пожалуй, единственное, что им вообще осталось сделать. В настоящей книжке я восстанавливаю прежде всего теорию перманентной революции, как она была формулирована в 1905 году, применительно ко внутренним проблемам русской революции. Я показываю, в чем моя постановка действительно отличалась от ленинской, и как и почему она во всех решительных обстоятельствах совпадала с ленинской. Наконец, я пытаюсь вскрыть решающее значение интересующего нас вопроса для пролетариата отсталых наций, а тем самым и для всего Коммунистического Интернационала.

Какие обвинения были выдвинуты эпигонами против тео-

рии перманентной революции? Если отбросить в сторону бесконечные противоречия моих критиков, то всю их поистине необъятную литературу можно свести к следующим положениям:

1. Троцкий игнорировал различие между буржуазной революцией и социалистической; он считал уже в 1905 году, что пред пролетариатом России стоят задачи непосредственно социалистического переворота.

2. Троцкий забывал совершенно об аграрном вопросе. Крестьянство для него не существовало. Он изображал революцию, как единоборство пролетариата с царизмом.

3. Троцкий не верил, что мировая буржуазия допустит сколько-нибудь длительное существование диктатуры русского пролетариата, и считал гибель ее неизбежной, если пролетариат Запада не захватит власть в самый короткий срок и не придет нам на помощь. Этим самым Троцкий недооценивал давление западного пролетариата на свою буржуазию.

4. Троцкий вообще не верит в силу русского пролетариата, в его способность самостоятельно построить социализм и потому все свои надежды возлагал и возлагает на международную революцию.

Эти мотивы не только проходят через бесчисленные писания и речи Зиновьева, Сталина, Бухарина и других, но и формулированы в авторитетнейших резолюциях ВКП и Коммунистического Интернационала. Тем не менее прихо-

дится сказать, что они основаны на сочетании невежества с недобросовестностью.

Первые два утверждения критиков, как будет показано далее, ложны в самой своей основе. Нет, я именно исходил из буржуазно-демократического характера революции и приходил к выводу, что глубина аграрного кризиса может поднять к власти пролетариат отсталой России. Да, именно эту мысль я защищал накануне революции 1905 года. Именно эту мысль выражало самое название революции «перманентной», т. е. непрерывной, т. е. переходящей непосредственно из буржуазной стадии в социалистическую. Для выражения той же идеи Ленин употребил впоследствии превосходное выражение о перерастании буржуазной революции в социалистическую. Понятие перерастания Сталин, задним числом (в 1924 году), противопоставил перманентной революции, как прямому скачку из царства самодержавия в царство социализма. Злополучный «теоретик» не дал себе даже труда продумать, что же в таком случае означает перманентность революции, т. е. непрерывность ее развития, раз дело идет о голом скачке?

Что касается третьего обвинения, то оно продиктовано недолговечной верой эпигонов в возможность нейтрализовать империалистскую буржуазию на неограниченный срок при помощи «разумно» организованного давления пролетариата. В 1924-27 г.г. это была центральная идея Сталина. Плодом ее явился англо-русский комитет. Разочарование в

возможности связать по рукам и по ногам мировую буржуазию при помощи союза с Перселем, Радичем, Ляфолетом и Чан-Кай-Ши привело к острому пароксизму страха перед немедленной военной опасностью. Через эту полосу Коминтерн проходит еще и сейчас.

Четвертое возражение против теории перманентной революции сводится попросту к тому, что я в 1905 году не стоял на точке зрения теории социализма в отдельной стране, которую Сталин сфабриковал для советской бюрократии лишь в 1924 году. Это обвинение является чистейшим историческим курьезом. Можно в самом деле подумать, будто мои оппоненты, поскольку они вообще политически размышляли в 1905 году, считали Россию подготовленной для самостоятельной социалистической революции. На самом деле они в течение 1905-1917 годов неумоимо обвиняли меня в утопизме в виду допущения мною вероятности того, что пролетариат России придет к власти раньше, чем пролетариат Западной Европы. Каменев и Рыков обвиняли в утопизме Ленина в апреле 1917 года, причем популярно разъясняли Ленину, что социалистическая революция должна первоначально совершиться в Англии и других передовых странах, после чего только может наступить очередь России. На той же точке зрения стоял и Сталин до 4-го апреля 1917 года. Лишь постепенно и с трудом он усвоил ленинскую формулу диктатуры пролетариата в противовес демократической диктатуре. Еще весной 1924 года Сталин повторял вслед за дру-

гими, что Россия, отдельно взятая, не созрела для построения социалистического общества. Осенью 1924 года, в борьбе с теорией перманентной революции, Сталин впервые сделал открытие насчет возможности построения изолированного социализма в России. После этого красные профессора подобрали для Сталина цитаты, уличающие Троцкого в том, что он в 1905 году – о, ужас! – считал, что Россия может прийти к социализму только с помощью пролетариата Запада.

Если взять историю идейной борьбы за четверть века, разрезать ее ножницами на мелкие куски, перемешать эти куски в ступе и затем поручить слепому склеить их вместе, то вряд ли получится более чудовищная теоретическая и историческая галиматья, чем та, которую эпигоны кормят своих читателей и слушателей.

Чтобы связь вчерашних проблем с сегодняшними выступила нагляднее, нужно хотя бы конспективно напомнить здесь, что было сделано руководством Коминтерна, т. е. Сталиным и Бухариным в Китае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.